

поддержания благоприятной экологической обстановки в речных системах. В связи с этим разрабатываются дополнительные требования к нормированию гидрографов резервируемого стока, учитывающих указанные обстоятельства [8]. Применительно к территории республики в год 95 %-ной обеспеченности по стоку минимальный объем воды должен составить 12 км³.

Рост требований к отбору воды из источников, ожидаемое уменьшение водных ресурсов под воздействием проводимых хозяйственных мероприятий в водосборах рек на фоне некоторого ужесточения требований к их охране от истощения и загрязнения осложняют соотношения в системе «Водные ресурсы — потребности в воде» по Белоруссии в целом. Неблагоприятное положение усугубляется, если принять во внимание значительную неравномерность в распределении водных ресурсов и потребителей воды по территории и по отношению друг к другу. Это ведет к необходимости осуществления ряда специальных мер по обеспечению водой. К ним относится созданная система переброски вод из р. Вилии в р. Свислочь для организации водоснабжения Минского промышленного района и ее расширение в будущем. Необходимо разработать более рациональную организацию водоснабжения крупных городов республики (Бобруйск, Могилев, Молодечно и др.), экономически обоснованные схемы водообеспечения мелиоративных нужд на притоках р. Припяти и в других районах Белоруссии. Рост водопользования повышает актуальность проблемы сохранения водных объектов (рек, озер) как важнейших элементов природной среды.

Список литературы

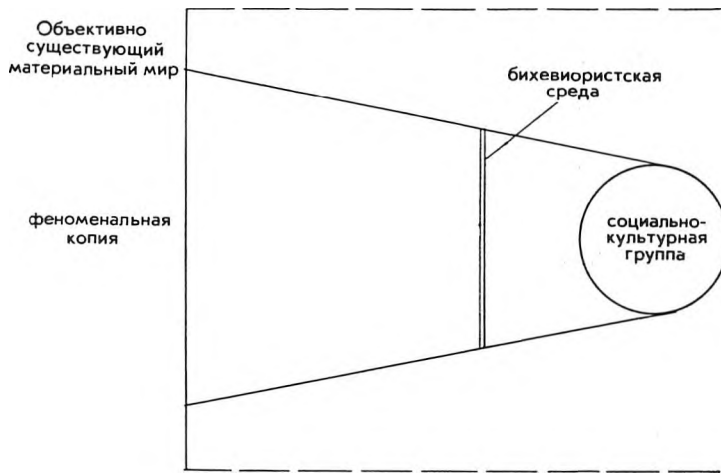
1. Широков В. М., Плужников В. Н. // Влияние хозяйственной деятельности на природу Белоруссии. Минск, 1981. С. 6.
2. Киреенко Е. Г. Водные ресурсы — фактор размещения промышленности. Минск, 1981.
3. Широков В. М., Свистунов А. И. // Водные ресурсы Белоруссии и их охрана. Минск, 1982. С. 4.
4. Булавко А. Г., Плужников В. Н. Использование водных ресурсов Белоруссии в сельском хозяйстве. Минск, 1982.
5. Широков В. М., Кирвель И. И. Пруды Белоруссии. Минск, 1987.
6. Забота о природе // Известия. 24 февраля 1988.
7. Гатилло П. Д., Филиппович И. М. Косплексное использование водных ресурсов. М., 1977. Вып. 5. С. 45.
8. Фащевский Б. В. // Водные ресурсы Белоруссии и их охрана. Минск, 1982. С. 85.

УДК 911.3

А. С. ПЕРЕПЕЧКО

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Психологический подход к изучению географии выборов, или электоральная психология, оказался своего рода ответом на кризис экологической школы, начавшийся в 50-е годы, когда в ряде развитых капиталистических стран в ходе структурно-пространственной перестройки и интернационализации капитала произошло перемещение полосы социальных потрясений из сельских районов в крупные городские агломерации. Экологический метод, нацеленный на изучение реализованного электорального поведения коллективов, связанных с территориальными единицами [1], и ориентированный на роль региональных политических субкультур, традиций, хорошо улавливал закономерности расстановки политических сил в условиях относительной политической стабильности, когда болезненные процессы смены классовой и социальной принадлежности затрагивали в основном крестьянство. В современный период про-

Модель бихевиористской среды У. Кёрка

цессы трансформации коснулись широких слоев городского населения с более диверсифицированной социальной структурой. Картина осложнилась массовой безработицей, новыми общественными тенденциями, вызванными НТР. В американской электоральной географии к этому времени окончательно сформировалось психологическое направление, сущность которого состоит в исследовании электорального поведения отдельно взятого избирателя как личности. Статистическая информация при этом собирается с помощью анкеты, опроса и т. п.

Методологическую основу электорально-психологической школы составляет бихевиоризм — социологическая концепция, проповедующая изучение только поведения человека, а не его сознания. Поведение понимается как совокупность связей стимул — социально-психологическое состояние организма, где стимулы превращаются в ответные поступки — реакция ($S-O-R$).

Бихевиоризм является философской основой так называемой бихевиористской географии, трактующей деятельность человека как ответы на стимулы, побудительные причины [2—4]. Бихевиористская география пытается выявить, как различные индивидуумы отвечают на одни и те же стимулы в различных ситуациях, вычленив соотносительные моменты в этих изменяющихся ответах и создать модель, позволяющую предсказать поведение.

В бихевиористской географии общепризнана модель бихевиористской среды (см. рисунок), предложенная английским географом У. Кёрком [5, 6]. По его мнению, познание человеком окружающей среды может быть связано с двумя различными уровнями. На первом индивидуум находится в непосредственном контакте с воспринимаемыми чувствами «феноменальной» средой, их взаимное физическое воздействие ведет к изменениям и индивидуума, и среды, и взаимоотношения между ними. На этом уровне процесс познания осуществляется человеком посредством интуиции, чувств, эмоций. На втором уровне явления феноменальной среды влияют на бихевиористскую среду человека, пронизывают ее в той степени, в какой осознаны людьми, и проявляются в виде мотивов, предпочтений, образов мышления, традиций, обусловленных социально-культурной средой обитания людей. У. Кёрк определяет, таким образом, бихевиористскую среду как психофизическое пространство, в котором воспринимаемые чувствами феноменальные явления систематизируются, кристаллизируются в модели и обретают ценность в социально-культурной среде.

Исследования электорально-психологической школы опираются на положения, выдвигаемые бихевиоризмом и бихевиористской географией.

Политико-географы бихевиористы выделяют три эффекта, связанные с влиянием бихевиористской среды на электоральное поведение избирателя.

Эффект соседства трактуется как определяющее воздействие стереотипов политических предпочтений социально-культурной группы населения, проживающей в определенном районе, на голосование в нем живущего или вновь прибывшего избирателя за ту или иную партию. Например, в Великобритании мелкая буржуазия и интеллигенция, так называемый средний класс, в основном голосуют за консервативную, а рабочие — за лейбористскую партию [7]. Рабочий, который переселился в район, где в структуре социального состава большинство составляют представители среднего класса, под влиянием вновь приобретенных контактов с соседями постепенно воспринимает и их стереотипы электоральных предпочтений: раньше он голосовал за кандидата лейбориста, сейчас голосует за консерватора.

Английские политико-географы Д. Батлер и Д. Стоукс [8] сравнивают два типа избирательных округов в ряде районов Великобритании: на территории, где развита горная промышленность (преимущественно лейбористские), и в районах морских курортов (преимущественно консервативные). В горно-промышленных районах средний класс отдает предпочтение кандидатам лейбористской партии, в то время как в округах на территории морских курортов рабочие-избиратели голосуют в основном за консерваторов.

Эффектом соседства некоторые ученые [9] объясняют успехи республиканской партии США на выборах в предместьях больших городов: пригород перестраивает электоральную психологию индивидуума. Переселившись в предместье, влившись в новую общину, новую социально-культурную группу, обзаведшись новыми формальными и неформальными контактами, избиратель становится сторонником республиканской партии, тогда как будучи жителем большого города он отдавал предпочтение демократам.

В Канаде политико-географ Дж. Лапонс [10] связывает влияние эффекта соседства со стороны англо-канадского населения на электоральную психологию франко-канадца с показателями географической концентрации (удельным весом франко-канадского населения в провинции и долей избирательных округов в ней с наименьшей численностью населения, говорящего на французском языке) и верности этнической группе (на уровне провинции определяется по проценту франко-канадцев, состоящих в браке с франко-канадцами), характеризующими бихевиористскую среду его местожительства. Если франко-канадец проживает в районе, для которого указанные показатели низки, воздействие эффекта соседства на его электоральное поведение положительно и политические предпочтения его ориентированы на таковые англо-канадского большинства. Наоборот, влияние эффекта соседства отрицательно, если франко-канадский избиратель живет там, где эти показатели высоки. В районах с высоким коэффициентом верности этнической группе (за пределами Квебека) франко-канадец с большей вероятностью проголосует за федералистскую либеральную партию, чем его соотечественники в этой франко-язычной провинции. Там же, где этот показатель низок, вероятность голосования франко-канадца за кандидата-либерала ниже, чем в Квебеке (по крайней мере, в районах, где англо-канадцы отдают предпочтение другой партии).

Эффект спорной проблемы политико-географы бихевиористы выделяют тогда, когда определенная тема на выборах более важна для избирателей одних районов, чем других. Английские ученые И. Бадж и Д. Фарли [11] выделили и ранжировали для двадцати трех стран с буржуазно-парламентарными политическими режимами четырнадцать спорных проблем. Предполагается, что электоральная психология избирателя определяется преобладающим воздействием определенной темы: эффект региональной спорной проблемы наиболее высок для канадского избирателя,

этнической — бельгийского, социального водораздела между городскими и сельскими классами¹ — финского [11] и т. д.

Эффект друзей-соседей связан с получением кандидатом на выборах дополнительных голосов у себя дома, т. е. с оказанием избирателями максимальной поддержки кандидату вблизи его местожительства. В качестве примера часто приводят президентские выборы 1984 г. в США. Демократ Мондейл, предвыборные позиции которого были слабее, чем у республиканца Рейгана, одержал, тем не менее, победу в федеральном округе Колумбия и в своем родном штате Иллинойс [13].

Очевидно, что при изучении современной электоральной географии США, Великобритании, Канады нельзя не принимать во внимание воздействия рассмотренных «эффектов» на политическое поведение избирателей. Готовясь к выборам, мозговые центры партий в этих странах тщательно учитывают данные электорально-психологических исследований. Однако методологические пороки, присущие бихевиоризму и бихевиористской географии, находят отражение в работах электорально-психологической школы. Бихевиористы стремятся установить зависимость электорального поведения абстрактного среднего человека от явлений и процессов абстрактного пространства. Социальная принадлежность, классовый характер расселения и использования пространства, как ведущие причины формирования и изменения электорального поведения избирателя, приуменьшаются, что приводит на практике к психологическому редукционизму. Представители электорально-психологической школы считают, что местожительство определяет политические склонности избирателя, влияет на его максимальную поддержку, пространственная локализация спорной проблемы предопределяет политический выбор избирателя. В действительности, социальное положение определяет местожительство и политическое лицо избирателя, максимальную поддержку кандидата вблизи его местожительства, отношение избирателя к спорной проблеме.

В работах представителей электорально-психологической школы чисто локальные закономерности поведения политического человека на выборах неправомерно глобализируются, объявляются всеобщими, внеисторическими, поскольку оценка поведения избирателя на основе общей и детализированной статистики выборов оказывается отодвинутой на задний план опросами более или менее репрезентативной выборки избирателей. Ориентация только на количественные методы побуждает политико-географов бихевиористов к игнорированию качественных показателей, которые не поддаются количественному описанию.

Таким образом, искажается фактическая ситуация, а результаты конкретных электорально-географических исследований подгоняются правыми кругами под заранее отработанные пропагандистские схемы, призванные «научно» подкрепить, оправдать политическую систему буржуазного общества.

Список литературы

1. Перелечко А. С. // Вестн. Белорусского ун-та. Сер. 2: Хим. Биол. Геогр. 1986. № 3. С. 70.
2. Hufford J. // *Antipode: A Radical Journ. of Geography*. 1980. V. 12. № 3. P. 18.
3. Джонстон Р. Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. М., 1987. С. 219.
4. Leach B., Politechnic T. // *Antipode: A Radical Journ. of Geography*. 1978. V. 10. № 2. P. 33.
5. Kirk W. // *Geography*. 1963. V. 48. № 221. P. 357.
6. Kirk W. // *The Indian Geographical Society Silver Jubilee Souvenir and N. Subrahmanyam Volume*. Madras. 1952. P. 151.
7. Muir R., Paddison R. *Politics, Geography and Behaviour*. London, 1981. P. 98.

* Согласно теории С. Липсета и С. Роккана [12], в основе современных социальных водоразделов между центром и периферией, церковью и государством, городским и сельским населением, буржуазией и рабочим классом лежат исторические противоречия и конфликты, уходящие корнями в период формирования территории государств, в эпоху буржуазных революций.

8. Butler D. E., Stokes D. E. Political Change in Britain Forces Shaping Electoral Choice. London, 1970.
9. Miller W. E., Levitin T. E. Leadership and Change: The New Politics and American Electorate. Cambridge, 1976. P. 22.
10. Laponce J. A. // Political Geography Quarterly. 1987. V. 6. № 1. P. 75.
11. Budge I., Farlie D. J. Explaining and Predicting Election: Issue Effect and Party Strategies in Twenty-three Democracies. London, 1983. P. 36, 150.
12. Lipset S. M., Rokkan S. // Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives. New York, 1967.
13. The Singer More than the Song // The Economist. 1984. V. 293. № 7367. P. 31.

УДК 631.873

Т. А. КУДЛО, А. В. ГОРБЛЮК

ОПТИМИЗАЦИЯ ФОСФАТНОГО РЕЖИМА ПОЧВ ВЫСОКИМИ ДОЗАМИ САПРОПЕЛЕЙ

Дерново-подзолистые песчаные и супесчаные почвы, занимающие в Белоруссии около 52,5 % пахотных земель [1], характеризуются низким естественным плодородием и нуждаются в органических и минеральных удобрениях.

В республике все шире применяются в качестве удобрений сапропели, прогнозируемые запасы которых оцениваются в 3,7 млрд м³ [2]. Являясь источником органических веществ, а также минеральных элементов питания растений, сапропели воздействуют на водно-физические и агрохимические свойства почвы, способствуют существенному повышению урожая как зерновых, так и картофеля [3]. Следует отметить, однако, что влияние сапропелей на групповой состав минеральных фосфатов в почвах исследовано недостаточно. В условиях производственного опыта (колхоз имени В. И. Ленина Житковичского района Гомельской области) нами изучалось влияние высоких доз сапропелей на групповой состав минеральных фосфатов почв легкого механического состава.

Сапропели вносили на участках с дерново-подзолистой и дерново-глеевой песчаными почвами. По фону N₆₀P₉₀K₉₀ под однолетние травы в 1983 г. сапропели вносили на дерново-подзолистой песчаной почве в дозах 100, 200, 300, 400, 800 т/га (в расчете на абсолютно сухое вещество), а на дерново-глеевой песчаной почве — 100, 200, 300, 400 т/га. В 1984—1985 г. на дерново-глеевой песчаной почве после многолетних трав возделывали картофель. Перед закладкой опытов на почвах проводились агротехнические мероприятия (выборочный закрытый дренаж, дискование, вспашка на глубину 22—26 см и др.). Сапропели (влажность 45—50 %) вносили обычными навозоразбрасывателями типа РПТУ-2 и равномерно заделывали в почву. В опытах использовались сапропели оз. Червоное, которые относятся к органо-минеральным кремнеземистым и характеризуются следующими показателями: содержание органического вещества — 40—55 %; азота — 2,4; фосфора — 0,5; калия — 0,5; кальция — 2,5 % сухого вещества; рН в KCl — 5,4—5,6; подвижных форм P₂O₅ — 30—40; K₂O — 15—20 мг/100 г почвы; аммиачного азота — 1 % общего; гуминовых кислот — 14,5 %; присутствовали и другие биологически активные вещества.

Закладывали стационарные разрезы на каждом варианте опыта с отбором образцов по генетическим горизонтам, а также смешанных образцов почв для изучения изменения агрохимических свойств, в том числе группового состава минеральных фосфатов. Основные группы минеральных фосфатов в почве определяли методом Чанга и Джексона в варианте Аскинази, Гинзбург, Лебедевой [4].

Под влиянием внесения сапропелей улучшились агрохимические свойства почв: повысилось содержание гумуса, общего азота, подвижных форм фосфора и калия, увеличилась степень насыщенности основаниями (табл. 1). Внесение сапропелей дало следующую прибавку урожая зеленой массы в среднем за четыре года на дерново-подзолистой песчаной почве: 1,2 ц/га при дозе сапропелей 100 т/га; 21,4 — при дозе 200; 61,5 —